

Р. Д. Цивин

Роль художественной детали в изображении характера

(На материале рассказов Сергея Антонова)

Художественные детали — непосредственные элементы текста, содержания, поэтому их нельзя механически вычленишь, разложить по категориям. В то же время мы отчетливо видим, что в литературном произведении функции и связи деталей находятся в прямой зависимости от композиции, сюжета, характера. В содержательности деталей, их структуре проявляются в известной степени жанровые и родовые особенности произведения.

Плодотворным является теоретическое положение о детали как особой типизирующей подробности, имеющей относительно самостоятельное значение. Оно выдвинуто в работах Е. Добина, М. Щеглова, С. Антонова, М. Коцюбинской, В. Лесина и А. Пулинца¹. Но это лишь начало пути.

Трудность по-прежнему состоит в том, чтобы найти и осмыслить способы и единицы соизмерения разных образных величин, которые взаимодействуют в процессе типизации, выработать методологию исследования.

В жанре рассказа на деталь падает особенно интенсивная нагрузка, деталь здесь просто не имеет права быть статичной, случайной, одномоментной. Хотя в данной статье анализируются лишь отдельные рассказы С. Антонова, представляется возможным с учетом общей идейной направленности творчества на конкретных примерах решить поставленную локальную задачу, установить некоторые закономерности художественной детализации.

Как стилист Сергей Антонов наследует высочайшую культуру чеховского письма. В послевоенном советском рассказе он занял ведущее место, создав живые характеры современников.

Уже первый рассказ Антонова «Весна» порадовал «простотой, лиричностью, умением автора подметить и отобразить именно те подробности, которые позволяют ему показать характер своих героев в движении, в труде, в борьбе»². В оценке «Весны» критика была единодуш-

¹ См. Е. Добин. Герой. Сюжет. Деталь, «Советский писатель» 1962; М. Щеглов, Литературно-критические статьи, «Советский писатель», М., 1958; Сергей Антонов, Письма о рассказе, «Советский писатель», М., 1964; Михайлина Коцюбинська. Литература як мистецтво слова, «Наукова думка», К., 1965 г.; В. М. Лесин, О. С. Пулинець. Словник літературознавчих термінів, «Радянська школа», К., 1965. Характеристика работ дана в нашей статье «Деталь як засіб художнього узагальнення» (Радянське літературознавство, 1966, № 6).

² «Правда», 4 февраля 1951 г.

на, еще долго этим рассказом «мерили» произведения молодого писателя.

В «Весне» повествователь — главное действующее лицо, поэтому характер как бы самораскрывается оценочным отношением к окружающему, глубоко индивидуализированным складом мышления и чувств. У молодой колхозницы Ньюши острый слух, хорошая наблюдательность. Она любит слушать, как засыпает улица: крестная палкой закрывает окна, хлопает дверь вдалеке — собрание кончилось, топают ногами «батьа», значит, возвращается домой подвыпивший, сердитый. Конечно, это писательское зрение, емкие детали, прием восстановления целого по части. Но в лирическом строе рассказа образы автора и героини слиты; с другой стороны, мы наглядно ощущаем естественную одаренность девушки, развитость ее чувств, незаурядное в будничном, рядом, что и хотел подчеркнуть Сергей Антонов.

Сюжет «Весны» незатейлив. Ньюша полюбила председателя колхоза Василия Карповича, и он к ней равнодушен. Из-за мелких недоумений они никак не могут объясниться. Параллельно в рассказе развивается как бы второй, внутренний сюжет. Его назначение — в пристальном показе движения чувства, раскрытии всех его оттенков и переходов. Предметные подробности, повторяясь, выступают в новом качестве. Возникают своеобразные микроновеллы на уровне детали. Восемь раз, например, упоминает Ньюша о перчатках председателя. «Вместо того, чтобы в перчатках ходить, разобрались бы сперва»³, — запальчиво говорит она. Потом стало жалко председателя, утомленного работой, спорами. Она отважилась предложить ему заштопать прохудившиеся перчатки. А на вечеринке, увидев Василия с соперницей, сидела расстроенная и не знала, что делать с «чужими» перчатками. Словно продолжая эту линию, развивается другой микросюжет. Стоит председатель на коленях, проверяет глубину закладки зерна. «И как он в такой шинели к Лельке сегодня сидеть пойдет — не знаю» (15). «Василий Карпович поднял обеими руками ведро и стал пить, запрокинув голову, и капли, как бусинки, скатывались на землю по его шинели, не оставляя следа, и мне стало завидно, что он так умаялся, и самой захотелось так же сладко умяться, оттереть пот со лба и прикинуть к воде, от которой пахнет мокрым железом» (17, курсив наш. — Р. Ц.). Ньюша мгновенно ощущает, когда пола шинели задевает ее. Подобных примеров в рассказе можно привести немало. Так, в целенаправленной динамике деталей лирический характер главной героини высвечивается будто изнутри, через ее восприятия, ее настроение. Искусству создания многослойных деталей Сергей Антонов мог учиться у Горького⁴.

В своих рассказах Антонов не выписывает подробно портреты персонажей, но находит обычно такую ассоциативную деталь, которая заставляет воображение соотнести ее с конкретным физическим и психологическим состоянием. В раннем рассказе «Перед отъездом» в драматической ситуации объяснения в любви пожилой инженер-майор «переписал письмо и положил на тумбочку возле грешня, в котором застрял, свернувшись пружинкой, золотой волосок» (29). «Волосок» мгновенно возбуждает представление о золотоволосой, гибкой, как пружинка, таящей в себе энергию девушке. В этом намеке есть уже

³ Сергей Антонов. Избранное, «Молодая гвардия», М., 1954, стр. 9. Ссылки на это издание — в тексте (страница).

⁴ Ср. «В «Жизни Клима Самгина» горьковское искусство создания такой детали-сопровождения, детали-новеллы проявилось с особенной силой художественного мастерства». (И. Нович. Художественное завещание Горького, М., 1965, стр. 459).

что-то и от характера. Ни на одну строчку не может быть сдвинута деталь в тексте. Она фокусирует в себе образ, тонко предвосхищает противоречие, заключающееся в разнице возрастов, характеров, на чем и построен конфликт.

«Побудительным толчком к писанию рассказа «В трамвае» явилась фраза, на которую я наткнулся, перелистывая в минорном настроении записную книжку, — вспоминает Сергей Антонов. — Фраза была такая: «Она прошла в движущемся трамвае к выходу, как по жердочке через ручей». Когда и по какому поводу я записал эту фразу — не помню. Однако именно она возбудила и тему, и лирический тон рассказа»⁵. Очевидно, в этой детали — не только отличный зримый рисунок, но — внутренний жест»⁶, настолько присущий данному индивидуальному характеру, что в писательском видении он возбудил все остальное.

В этапном произведении «Дожди», оказавшем в свое время влияние на нашу литературу, Антонов достиг настоящего единства частного и общего, нарисовал сложные, интересные характеры. О «Дождях» существует уже немалая критическая литература, многократно разбирался главный образ незадачливой секретарши Валентины Георгиевны. И все-таки, как нам кажется, в силу инерции от первоначального толчка, разбор сводится, в основном, к осуждению героини, сложный противоречивый характер сглаживается, упрощается до стереотипа неудачницы, мелкой эгоистки, бездушного винтика.

А ведь М. Пришвин в своих дневниках, высоко оценивая мастерство С. Антонова в рассказе «Дожди», специально подчеркивал: «Тип не есть обобщение: тип должен быть со своим характером». «Шестерню вы можете заменить другой шестерней, даже курице отрубите голову и на другой же день у вас за столом опять появится заменимая курица. Но главный герой рассказа Антонова Наталья Ивановна — существо и незаменимое, и все лица в рассказе — лица и характеры»⁷.

Девять лет с фронта путешествует, «со стройки на стройку», со своим начальником Иваном Семеновичем машинистка Валентина Георгиевна. Даже привычки его, манера работать сродни ей. Но на сей раз «Иван Семенович тщательно поправляя буквы в недописанной бумаге», отказывается взять ее с собой, потому что сейчас «неудобно». «Да и что вам за охота, — добавляет он, — тащиться за мной, за стариком в душный город» (374).

Это трагедия. Одинокая Валентина Георгиевна остается вдруг совершенно одна. На следующий день «новый начальник со странной фамилией — «Непейвода» приказал выбросить разноцветные карандашники, оставшиеся от Ивана Семеновича, и установить в кабинете рукомойник. Растерянная, оглушенная и, вместе с тем сопротивляющаяся, она отвечает на энергичные указания односложными «да». Сколько разных состояний скрыто за ними. Подтекст здесь читается почти яснее, чем сам текст. Это своеобразная речевая деталь с «подводной» и «надводной» частями.

«Она очень тосковала об Иване Семеновиче, долго не признавая очевидных достоинств в Непейводе. Когда увидела на чертеже, только что присланном из Москвы, знакомую подпись и новый титул Ивана Семеновича..., обрадовалась так, словно письмо от него получила» (377).

⁵ Сергей Антонов. Письма о рассказе, «Советский писатель», М., 1964, стр. 150.

⁶ Этот «внутренний жест» при анализе рассказа отмечает А. Марченко, «Вопросы литературы», 1961, № 8, стр. 13.

⁷ М. М. Пришвин. Собр. соч. в 6 томах, Гослитиздат, М., 1957, т. VI, стр. 490. Имя героини названо ошибочно. — Р. Ц.

Вдумаемся в сравнение. Почему «словно»? Отчего, действительно, нет письма? Не решено дело с вызовом? Ну, а просто так письмо? Не тот характер отношений. А какой?

Зреющее, как нарыв чувство обиды, осознание своей несамостоятельности в жизни, попранного достоинства прорывается в письме, с которым она обращается к Ивану Семеновичу. Антонов дает два варианта письма. Первое — она «хотела написать». В нем — ее положение, как оно *представляется* ей в трудную минуту — жалкое, неустроенное, одинокое. Второе — то, «что у нее получилось», как она *себя представляет* — бодрящаяся, замкнутая, деловитая, официально-канцелярскими оборотами речи наглухо прикрывшая любую попытку посочувствовать ей. Перед нами — зримая «диалектика души», неповторимая индивидуальность.

Жаль, что даже исследователь творчества С. Антонова А. Огнев легко отменяет эту индивидуальность, навешивая на характер ярлычок: «Гипертрофированное самолюбие, мелочная щепетильность»⁸.

«Нужно помнить, что какая-нибудь неприметная в жизни родинка, — пишет в «Письмах о рассказе» Сергей Антонов, — становится глубокомысленной деталью, сразу, как только о ней упомянуть в рассказе»⁹. Такой деталью становится в «Дождях» то обстоятельство, что письма заменяются вестями, казенными бумагами.

Хотя критика всегда указывала на достоинства антоновской прозы — ясность, пластичность, отличный язык, наиболее значительные его произведения, как правило, вызывали разнотолки. «Рассказ талантлив, но тем не менее, на наш взгляд, плох»¹⁰, — писал, например, критик В. Соколов, которому не понравился характер главного героя в рассказе «Новый сотрудник».

В жанре психологического рассказа Антонова привлекают острые коллизии, когда нарушается душевное равновесие и герой становится перед выбором. Такие повороты часто возникают при рождении чувства любви, а новизну и сложность этого чувства писатель умеет изобразить особенно тонко. В том же «Новом сотруднике» чувство секретаря райкома Сухова к молоденькой Маше — это движение, развитие характера требовательный самоанализ, который перетряхнул его всего: и в стиле работы, и в отношении к семье, даже природе, потому что небо в звездах видел он «пятнадцать лет назад»¹¹. По логике умозрительной схемы В. Соколов утверждал: «Антонов беспощадно определяет обывательскую пошлость жены своего героя»¹². Но так ли уж беспощадно? Конечно, выразителен такой диалог:

— Ты вот что скажи, — спросил он, — советский ты человек или нет?

— Ешь борщ, — сказала жена¹³.

С ненавистью Сухов смотрит на безвкусные клипсы жены, на материал с выбитым чеком, что ей приносят на дом и т. д. Но нельзя не видеть и других деталей, выдающих затаенную драму: «усталые глаза», «тихий говор», «испуганно-настороженный взгляд». Не случайно в финале муж, наконец, обращается к жене с «теплотой и грустью».

⁸ Ученые записки Елецкого пединститута, вып. IV. Липецк, 1959, стр. 157.

⁹ С. Антонов. Письма о рассказе, стр. 105.

¹⁰ «Знамя», 1954, № 7, стр. 180.

¹¹ Сергей Антонов Повести и рассказы «Московский рабочий», М., 1961, стр. 76.

¹² «Знамя», 1954, № 7, стр. 182

¹³ Сергей Антонов. «Повести и рассказы», стр. 67.

(Уместно вспомнить мысль С. Антонова: «..перенос детали из авторского текста в диалог иногда удваивает ее силу». «Письма о рассказе», стр. 166).

Зрело написана «Тетя Луша». Десять лет с самой войны ведет тридцатилетняя «ладная стройная женщина» «в кирзовых сапогах с железными подковками» колхозное хозяйство. Замуж выйти не пришлось. Типичная для послевоенного времени судьба. Но вспомним еще раз пришвинское «тип должен быть со своим характером». Сергей Антонов находит один случай из тысячи, когда проявился данный характер, обострились его неповторимые типические черты. Безответно вдруг нахлынувшее чувство к молодому парню выдало ее дремавшую женственность. Русый вихор, торчащий на затылке у парня, ей до того захотелось пригладить, что она сама испугалась. Когда уехала квартировавшая у Луши семья, она вымыла блюдец, служившее пепельницей, и заплакала навзрыд в опустевшей избе.

До сих пор мы не говорили о композиционной смысловой роли пейзажной детали по отношению к характеру, потому что в новеллистике Сергея Антонова это может быть предметом специального исследования. Здесь хочется лишь назвать некоторые приемы раскрытия индивидуального черт характера, передачи настроения при помощи пейзажа. Если, например, в «Весне» Антонов добивается созвучия в изображении весны, расцветающей, оплодотворенной коллективным трудом земли, и чувства первой любви, вынеся в финал яркую, звонкую, словно песня, картинку счастливого плача Нюши среди наливающихся хлебов, то в «Тете Луше» природа живет своею, особою жизнью, и это ее особое состояние порой как бы противопоставляется чувствам героини; более того, пейзаж обращен и к читателю, заставляя его стать соучастником авторских размышлений. «Тихое небо, скромно мерцающее звездами, и неподвижные рябины с черной листвой и еще более черными гроздьями ягод, и белые, словно меловые, тропки, пересеченные прозрачными нежными лунными тенями, и полосатый туман вдали за овинами, — все было спокойно, бесстрастно, словно ничего не случилось»¹⁴.

Сравни в повести «Дело было в Пенькове»: «Хорошо бы такой вечер нарисовал Пластов. Впрочем, и Матвей и Зефилов не обращали никакого внимания на эту красоту. Чем дальше они ехали, тем больше их занимала мысль: почему, находясь в чайной и имея деньги, они выпили по сто граммов, а не по сто пятьдесят»¹⁵.

В «Разноцветных камешках» этот прием еще более усложнен. Конкретное созерцаемое море представляется герою лишь как «воспоминания о море», ибо мыслит он сейчас с другой пространственно-временной точки. В этом рассказе, принесшем С. Антонову успех, не меньший, пожалуй, чем «Дожди», достигнута стройная полифония частностей. Самые обыкновенные реалии, как например, московские папиросы «Казбек», чистый носовой платок в кармане полковника, высвечивают существенное в состоянии и поступках.

По вопросу девушки о коробке из-под папирос полковник догадался о роковой связи Нины, а в тяжкий час увещеваний соблазнитель «носовой платок был мокрый из прозрачности».

Исподволь ощущается в рассказе огромный идейный накал. Лиризм автора, его мучительный вопрос о том, что есть современный человек, проявляется в объективированном способе изображения, в подспудной эмоциональной напряженности с виду простых предметных деталей. Когда, например, старый эмалированный «таз ныл и стонал под ударами ливня», мы невольно проецируем на эту наглядную деталь и наше ощущение беды, которая подстерегает Нину. Можно было бы утверждать, что подобной символикой пронизан буквально весь рас-

¹⁴ Сергей Антонов. Повести и рассказы, стр. 5.

¹⁵ Там же, стр. 275.

сказ, но у Антонова это скорее не символика, но точность, емкость, многозначность художественных деталей, рациональность и изящество замысла, пластика лепки характеров.

Итак, в художественных деталях улавливаются наиболее тонкие, часто скрытые, существенные свойства человеческого характера. Графически четкий рисунок, психологическая ассоциация, единичный «внутренний жест», пейзажные зарисовки по принципам созвучия, контрастности или даже подчеркнутой несоотнесенности, образно-интонационные акценты — вот некоторые из раскрытых «створок», через которые обогащается сложное целое. В жанре психологического рассказа поворотные моменты в развитии характера передаются не только в прямой сюжетной канве, но в показе изменения взгляда героя на самые простые вещи, движение чувства композиционно фиксируется в динамике предметных подробностей.

Все это наглядно можно увидеть в рассказах Сергея Антонова, потому что высокая гражданственность писателя проявляется в способе его художественного мышления: настойчиво исследуя жизнь во всем ее богатстве и оттенках, в характерах людей запечатлевать борьбу за совершенного, счастливого человека.

Кафедра русской литературы Львовского университета
